

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ПОРШНЕВ: УЧЕБА В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ РАНИОН

Ключевые слова: Б. Поршнев, МГУ, Институт истории РАНИОН

В 2012 г. исполнится 40 лет со дня смерти известного и спорного в своих генерализациях и построениях советского историка Бориса Федоровича Поршнева. Его биография остается еще не реконструированной, а многочисленное творческое наследие не изученным. Особенно трудно поддаются реконструкции начальные годы академической карьеры ученого. Настоящая статья имеет целью осветить аспирантский период жизни историка.

Осенью 1925 г. Б. Ф. Поршнев окончил Общественно-педагогическое отделение этнологического факультета¹ 1-го МГУ². Будучи студентом, Б. Ф. Поршнев был принужден работать. Поступая в 1924 г. на службу в Коммунистическую академию, он писал, что до этого уже работал секретарем редакции журнала «Октябрь мысли» и у него имеется трудовая книжка³. Работа Б. Ф. Поршнева в Коммунистической академии началась в апреле 1924 г. в должности секретаря редакции журнала «Власть Советов». Спустя ровно год его приняли научным сотрудником в только что образованный в Коммунистической академии Институт советского строительства (ИСС)⁴. В ИСС Б. Ф. Поршнев проработал до октября 1926 г.⁵ и приобрел там, по-видимому, первые исследовательские навыки. В ИСС будущий исследователь народных движений работал в Исторической комиссии и занимался изучением истории Советов. Сначала он «изучал Союз Коммун Северной области». Затем начал исследовать под руководством профессора С. А. Пионтковского «историю Октябрьской революции». Работа в комиссии, отмечал Б. Ф. Поршнев, «носит архивно-исследовательский характер, и результаты ее вскоре будут опубликованы»⁶.

Неизвестно, появилась ли упоминаемая им публикация. Но можно смело утверждать, что если что-то и было напечатано, то не под его именем. А под именем «Б. Ф. Поршнев» в 1926 г., в «Библиотечке работницы и крестьянки», которая имела специальную серию «Делегатка-работница», вышла в свет брошюра «Горсоветы и работница», которая спустя два года была переиздана с минимальной правкой. Скорее всего, она была вызвана к жизни поручением или заказом, полученным ИСС от партийных или советских органов

Тамара Николаевна Кондратьева, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов — история российской медиевистики первой половины XX в. E-mail: ktamara1960@yandex.ru

¹ До 1925 г. Факультет общественных наук

² Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. (Данный документ остался пронумерованным. В деле он лежит между Л. 194 и 195).

³ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 310. Л. 55–56.

⁴ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 211.

⁵ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 310. Л. 51, 52; Ф. 1574. Оп. 4. Ед. хр. 90. Л. 4об., 8; Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 211.

⁶ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 211.

после совещания ЦИК, направленного на оживление работы Советов, а также после издания по результатам этого совещания специального закона «Положение о городских Советах». Брошюра должна была поднять, как тогда говорили, уровень сознательности трудящихся женщин и женщин-домохозяек. Двадцатилетний молодой человек выпустил в свет пропагандистский и одновременно дидактический материал. Он, похоже, искренне пытался убедить читателя, что до революции в городских думах «заседала городская знать, капиталисты и чиновники», которым «до рабочих окраин не было почти никакого дела». Советы, возникшие после революции, являясь властью самих трудящихся, «органом власти пролетариата», должны по-настоящему заботиться о городском хозяйстве, коммунальных службах, бюджете и прочем. Особые надежды в деле оживления Советов автор (видимо, вслед за организаторами совещания) возлагал на «работницу и крестьянку». К сожалению, отмечает Б. Ф. Поршнев, многие женщины относятся к выборам в Советы и работе в них, как к «повинности», забывая, что случайный человек «не будет стараться улучшить жизнь работниц и домашних хозяек». Кроме того, такая поведенческая установка ущербна, от нее многое теряет рабочий класс в целом⁷.

Трудно сказать, какое влияние оказал на молодого Б. Ф. Поршнева ортодоксальный марксист С. А. Пионтковский, у которого он, возможно, учился на ФОН 1-го МГУ⁸. Вероятно, будущий историк, и так тяготеющей к марксизму, в процессе совместной работы с С. А. Пионтковским мог в своих убеждениях только укрепиться.

Видимо, весной — в начале лета 1926 г. Б. Ф. Поршнев принимает решение о поступлении в аспирантуру Института истории Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН). О мотивах своего поступления в краткой автобиографии 1926 г. он пишет следующее: «Считаю, что работа в Институте советского строительства не дает мне возможности достаточно повышать свою научную квалификацию, так как имеет чисто исследовательский, а не научно-подготовительный характер, желал бы перейти в Институт истории РАНИОН для специализации по вопросам новой и новейшей истории и истории социализма»⁹. Рекомендации для поступления ему дали С. А. Пионтковский (27 июня 1926 г.) и Г. Михайлов (16 июля 1926 г.). Последний был профессором 1-го МГУ и членом президиума ИСС. С. А. Пионтковский отмечал способность Б. Ф. Поршнева работать с «сырым архивным материалом», которую он проявил, занимаясь «вопросами истории Октябрьской революции в ряде архивов Москвы». Одновременно Б. Ф. Поршнев, подчеркивал С. А. Пионтковский, изучает историю общественных движений России 40–80-х гг. XIX в., в частности, деятельность М. А. Бакунина. Г. Михайлов особенно оценил работу Б. Ф. Поршнева в ходе организации ИСС. Оба рекомендователя обратили внимание на хорошую марксистскую подготовку претендента, его познания в области общественных наук и способность к научному анализу¹⁰. Была также рекомендация от ИСС, текст которой не сохранился, хотя имеются о ней отдельные упоминания¹¹. В аспирантуру Б. Ф. Поршнев поступил и

⁷ Поршнев Б. Горсоветы и работница. Изд. 2-е. М., 1928. С. 1–12.

⁸ Пионтковский Сергей Андреевич (1891–1937) — советский историк. Область научных интересов — история Октябрьской революции и Гражданской войны. С 1919 г. — преподаватель ФОН 1-го МГУ, где преподавал историю Октябрьской революции, историю рабочего класса России и историю РКП. Работал также в Комакадемии. В 1936 г. репрессирован и позднее расстрелян. См.: Историческая наука в Московском университете, 1755–2004 / под ред. С. П. Карпова. М., 2004. С. 150.

⁹ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 211.

¹⁰ Там же. Л. 212, 213.

¹¹ Там же. Л. 205, 210, 214; Ф. 1574. Оп. 4. Ед. хр. 90. Л. 8.

потом учился в секции Новой русской истории. При поступлении он сдал специальную работу «К истории Бакунина и бакунизма», оцененную А. Д. Удальцовым на «5». Известный в будущем медиевист и член-корреспондент АН СССР, в это время занимающийся методологией истории и теорией исторического материализма, в отзыве, написанном 7 сентября 1926 г., заметил: «Работа т. Поршнева «К историографии Бакунина и бакунизма» (132 стр.) представляет собой солидную работу по этому вопросу [...]»¹². Автор обнаруживает уже сложившиеся навыки к научно-исследовательской работе и умелое пользование методом исторического материализма (подчеркнуто красным карандашом. — Т.К.)»¹³. Кроме того, он сдал три вступительных экзамена (называемых также «марксистским минимумом»): исторический материализм — оценка «3+», политическая экономия — оценка «4» и методология — «4»¹⁴.

Итак, осенью 1926 г. начался новый плодотворный период в жизни будущего историка. Аспирантура в Институте истории РАНИОН была рассчитана первоначально на три года, после чего предполагалась защита диссертации. О том, как шла подготовка аспирантов в Институте истории, можно судить по докладной записке, представленной Институтом в Рабоче-крестьянскую инспекцию за 1927–1928 учебный год, где сказано: «Каждый аспирант при вступлении в Институт зачисляется в одну из секций соответственно избранной специальности. В течение пребывания в Институте аспиранты должны проработать: 1) одну тему по теоретической (*видимо, опечатка, должно быть «по политической»*. — Т.К.) экономии, 2) одну тему по историческому материализму, 3) шесть тем по истории и этнологии (три из них по избранной специальности). Темы по теоретической (? — Т.К.) экономии и историческому материализму прорабатываются в соответствующих семинариях. Учет работы производится руководителем семинария. Темы по истории и этнологии изучаются либо также в семинариях, либо в индивидуальном порядке или в виде коллективной работы под руководством действительных членов и научных сотрудников Института; работы по истории и этнологии зачитываются аспиранту после прочтения им доклада в соответствующей секции. На втором или третьем году пребывания в Институте аспирант командировается на производственную практику по своей специальности в вузы или научно-исследовательские учреждения, проходимость под руководством действительных членов и научных сотрудников Института, которые к концу академического года дают отзыв о его работе. В конце академического года Коллегия подводит итоги работы каждого аспиранта за истекший год и высказывает суждение относительно успешности занятий; постановление Коллегии об отчислении того или иного аспиранта по неуспешности занятий утверждается Президиумом РАНИОН»¹⁵. Видно, что аспирант в течение трех лет должен был написать восемь объемных работ, о которых отчитывался в соответствующих семинариях, пройти производственную практику. Персональное руководство диссертационной работой аспиранта осуществлялось, вероятно, секцией, а не ее отдельным членом. Секция же утверждала годовые планы работы аспирантов¹⁶. На секциях аспиранты защищали свои

¹² Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. С. 462–463.

¹³ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 195, 205, 208.

¹⁴ Там же. Л. 205, 208об.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 4655 РАНИОН. Оп. 1. Д. 264. Докладная записка в НК РКИ о составе и деятельности Института. Л. 14.

¹⁶ См. например, протокол от 9 декабря 1927 г. № 13 заседания секции Новой русской истории, на котором присутствовал Б. Ф. Поршнев. Все заседание было посвящено утверждению

работы¹⁷. Кроме того, аспиранты изучали иностранные языки. Предполагалось, что ко второму году обучения аспирант должен был владеть двумя иностранными языками¹⁸. Нам уже приходилось писать о том, что учеба в аспирантуре Института истории РАНИОН требовала напряжения. Некоторые аспиранты проводили, причем не по собственным секциям, настоящие исследования, которые затем публиковались¹⁹.

Понятно, что не все аспиранты могли работать с одинаковой интенсивностью, у них был разный уровень базовой подготовки (отдельные лица попали в аспирантуру, не имея вузовского диплома), разные материальные условия. Они выражали свою озабоченность данной проблемой на аспирантских собраниях. Сохранился протокол собрания аспирантов от 19 марта 1927 г., на котором присутствовали Б. Ф. Поршневу, С. А. Токареву, Л. В. Черепнину. Аспиранты высказали пожелание отказаться от зачетов и экзаменов, определить каждому из числа действительных членов Института руководителя по специальности, не проводить проверку знаний по языкам, «для разработки диссертации отвести один год сверх трехлетнего пребывания аспиранта в Институте»²⁰. 10 марта 1928 г. на таком же собрании аспирантов вновь звучали жалобы на большой объем работы у учащихся в первые два года, обусловленный необходимостью осваивать два иностранных языка. О степени их загруженности можно судить по тому, что в 1927–1928 учебном году аспиранты приема 1926/1927 г. должны были выполнить три работы, из которых одна — по историческому материализму, а аспиранты приема 1925/1926 г. — 4 работы²¹. Видимо, доводы аспирантов были признаны убедительными, и в 1927 г. Коллегия института истории, президиум РАНИОН и научно-политическая секция Государственного ученого совета приняли решение увеличить срок пребывания в аспирантуре до 4 лет. И хотя Наркомпрос это решение не утвердил²², 4-летнее пребывание в аспирантуре в Институте истории РАНИОН становится, по-видимому, частым явлением. 31 января 1928 г. методическое бюро утверждает универсальный план работы аспиранта на 4 года. Он выглядел следующим образом: первые два года — 1) семинарий по историческому материализму, 2) одна тема по специальности, 3) одна тема по специальному отделу истории; 4) изучение новых языков (причем ко второму году обучения аспирант должен овладеть 2 языками), 5) ознакомление со вспомогательными историческими дисциплинами; третий год — 2 исторических темы; четвертый год — 1) оследняя историческая тема; 2) программа курса; 3) работа над диссертацией²³. Обучение в аспирантуре необходимо было закончить

аспирантских планов. ГАРФ. 4655. Оп. 1. Д. 166. Подлинные протоколы заседаний секции Новой русской истории за 1926–1928 гг. Л. 22.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 168. Подлинные протоколы заседаний методического бюро и собраний аспирантов. Начато 15 октября 1926 г. Окончено 26 апреля 1928 г. Л. 13об.

¹⁸ Там же. Л. 8.

¹⁹ Так случилось с будущим известным историком России и академиком Л. В. Черепниным, который в 1927 г. выполнил семинарскую работу, а затем сделал на секции средневековой истории доклад «К вопросу о составе и происхождении *Capitulare de villis*», и будущим известным этнографом С. А. Токаревым, который на той же секции и в том же году выполнил работу и сделал доклад «Торговля южно-английского манора в XIII–XIV вв. по приказчиным отчетам». Оба доклада позднее были опубликованы. См. подробнее: *Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.* Западноевропейское Средневековье в Институте истории РАНИОН (по материалам ГАРФ) // *Европа. Международный альманах. Вып. VII. Тюмень, 2007. С. 77, 79–80.*

²⁰ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 168. Л. 15–15об.

²¹ Там же. Л. 13об.–14.

²² Там же. Л. 13.

²³ Там же. Л. 8.

написанием и защитой диссертации, которая «должна быть самостоятельным научным исследованием на новую тему, независимо от представленных докладов по специальности», хотя по разрешению Коллегии института в исключительных случаях семинарская работа могла быть развернута в диссертацию²⁴.

Б. Ф. Поршнева специализировался, как уже сказано, по секции Новой русской истории, которой руководил старый большевик В. И. Невский²⁵. Он достаточно регулярно ходил на заседания секции: в 1927 г. посетил 5 заседаний (21 марта; 4, 18 апреля; 18 ноября; 9 декабря), в 1928 г. — 6 заседаний (10, 18 февраля; 26 марта; 27 апреля; 14 мая; 11 июня)²⁶. У секции было три научных направления: история экономического развития России в XIX–XX вв.; история рабочего и крестьянского движения; история общественной мысли²⁷. Его общая специальность обозначена как «русская история», узкая специальность — как «экономическая история и история общественной мысли». Аспирантура Б. Ф. Поршнева должна была по одному документу закончиться 1 мая 1929 г., а диссертация защищена до 1 октября 1929 г.²⁸, а по другому соответственно — 1 октября 1929 г. и до 1 января 1930 г.²⁹. Об учебе и работах Б. Ф. Поршнева можно судить по сохранившимся учетным аспирантским карточкам и некоторым другим документам. Судя по примерному учебному плану за 1926–1927 учебный год³⁰, написанному Б. Ф. Поршневым собственноручно, к 10 октября 1927 он уже написал и прочитал доклад по политической экономии «Цены производства», а также работал над темой по историческому материализму «Социальная методология Макса Вебера» и над двумя темами по специальности: 1) «Основные черты славянофильства»³¹, 2) «Внешняя политика России в XIX веке». Кроме того, он предлагал утвердить ему третью тему по специальности, которая бы касалась особенностей развития капитализма в России, по Древнему миру — «О главнейших теориях экономического развития», по Средним векам — «О сущности и генезисе феодализма и городского строя» и по Новой истории — «тему из истории философско-общественной мысли в Германии до 48 года (младогегельянство)». Вероятно, предложенные аспирантом темы подверглись позднее коррекции. Не исключено, что концентрация внимания на XIX в. казалась избыточной. 9 декабря 1927 г. на заседании секции Новой русской истории ему предложили «взять одну из тем [...] по истории России до XIX в.; уточнить тему по средневековой истории»³².

²⁴ Там же. Л. 6. Судить о качестве диссертаций практически невозможно, поскольку они либо совсем, либо почти не защищались. Например, в протоколе Института истории от 16 апреля 1929 г. приведено около 20 фамилий аспирантов (среди них Б. Ф. Поршнева), которые должны были выпуститься к январю 1930 г., но из них только один — Л. В. Черепнин — представил диссертацию. См.: Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Протоколы заседаний комиссии по учету академической успеваемости аспирантов Института истории РАНИОН. Л. 60–60 об.

²⁵ Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. С. 151–152; Историческая наука в Московском университете 1755–2004. С. 143–148.

²⁶ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 166. Л. 1, 3, 5, 8, 10, 12, 13, 22, 25, 29, 30, 32,

²⁷ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 264. Л. 15.

²⁸ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 196.

²⁹ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 1. Л. 20.

³⁰ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 162

³¹ Первоначально тема, как сказано в других материалах, имела другое название: либо «Славянофильские черты народничества», либо «Черты славянофильства в народничестве». См.: Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 194, 215.

³² ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 166. Л. 22.

Руководитель семинария по политэкономии Позняков отметил, что работа Б. Ф. Поршнева «хорошая»³³.

В 1927 г. Б. Ф. Поршнева сосредоточил свои силы на написании доклада для семинария В. И. Невского о славянофильстве. 26 сентября 1927 г. Б. Ф. Поршнева писал, обращаясь в Коллегию института истории, что эта его работа будет иметь 4 главы, первая из которых, составляющая «около 2-х печатных листов», уже сдана руководителю. Глава будет прочитана в семинаре В. И. Невского в качестве доклада. В своем письме Б. Ф. Поршнева обещал закончить работу «с возможной поспешностью», одновременно просил не ограничивать его «слишком жесткими сроками»³⁴. Остается неясным, когда и в каком виде доклад был сдан или зачитан автором. С одной стороны, в карточке аспиранта, которая велась во время пребывания Б. Ф. Поршнева в аспирантуре и которая в изрядной части осталась незаполненной, записано В. И. Невским: «Доклад: «Основные черты славянофильства». Доклад разработан интересно и оригинально»³⁵. В отзыве от 31 октября 1927 г. о работе своего семинариста В. И. Невский отмечал «большую эрудицию автора [...] в вопросах русской общественной мысли и революционного движения. Решение задачи, данное в теме, оригинально и талантливо [...]. Считаю работу т. Поршнева достойной не только (подчеркнуто в обоих случаях В. И. Невским. — Т.Н.) зачета в семинарии, но и прочтения и защиты в секции»³⁶. Из чего можно сделать вывод о том, что какой-то окончательный текст в октябре руководителем семинара был получен. С другой стороны, 26 ноября 1927 г. В. И. Невский сообщал Коллегии института, «что т. Поршнева семинарскую работу «Славянофильские черты народничества» подготовил уже в некоторой ее части, хотя и не закончил. Работа обещает быть интересной. В данный момент в черновом виде работа закончена почти целиком»³⁷.

Дополнительный свет на работу аспиранта Б. Ф. Поршнева за 1926–1927 гг. дает его отчет, написанный 18 сентября 1928 г., в котором он сообщал, что его доклад «Основные черты славянофильства» (первоначальная тема «Черты славянофильства в народничестве») — для семинара т. Невского и секции Новейшей русской истории будет зачитан только через 2–3 недели. Предварительного отзыва о готовых частях не могу представить ввиду отсутствия В. И. Невского в Москве. Причины такого запоздания этого доклада лежат отчасти в объективных условиях работы прошлого года: позднее начало работы семинара В. И. Невского. Совмещая к тому же работу с политэкономическим семинаром, я вынужден был разорвать работу над славянофилами на две части, выкроив между ними два месяца для спешной работы над докладом «Цена производства». Главная же причина носит объективный характер. Это — ряд непредвиденных мною трудностей темы и затруднений методологического порядка, которые и заставили меня в процессе работы произвести указанные значительные изменения темы. Сюда же надо прибавить ограниченное количество источников и материалов этой темы, особенно в ее новой расширенной постановке [...]. Для работы о славянофилах главной проработанной литературой являются сочинения Хомякова, Кириевского, Аксаковых, менее — Самарина, Данилевского, Леонтьева, Герцена, отчасти — Лаврова, Михайловского, Бакунина, Кошелева, Григорьева, Вл. Соловьева

³³ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 206, 215.

³⁴ Там же. Л. 192.

³⁵ Там же. 206.

³⁶ Там же. Л. 191–192.

³⁷ Там же. Л. 194.

и др. Проработана частично литература, близкая к славянофильству, конца XIX — XX вв.: Разумов, Страхов, Ильин, Добрынин и др. Кроме того, прочитана некоторая литература по истории России в XIX в.³⁸

Сохранился еще один любопытный документ. Это — учетная карточка аспиранта, которая гласит о том, что Б. Ф. Поршневу в 1927 г. выполнил следующую огромную по объему работу, а именно: 4 темы по специальности — «Основные черты славянофильства» (декабрь 1927 г.), «Русская внешняя политика в первой четверти XIX в.» (декабрь 1927 г.), «Социальные идеи Руссо» (декабрь 1927 г.), «Принципат Августа (Историография)» (декабрь 1927 г.) — и одну работу по политической экономии «Цены производства» (май 1927 г.)³⁹. Можно, наверное, с осторожностью признать, что Б. Ф. Поршневу мог закончить в какой-то части свое исследование о славянофильстве к декабрю 1927 г., но гораздо труднее поверить в то, что он к этому же времени выполнил работу о внешней политике России XIX в. и написал текст о Руссо, который не собирался готовить еще 2,5 месяцами ранее. Объяснить обнаруженные несоответствия можно, думается тем, что учет в Институте истории был, видимо, поставлен неважно, формальными требованиями нередко пренебрегали, а карточки заполнялись, как говорится, «по факту», т. е. позднее установленных сроков, может быть, даже перед очередной официальной ревизией или проверкой. Известно, что Институт истории РАНИОН в конце 1929 г. подвергся преобразованию и был переподчинен Коммунистической академии. Возможно, в ходе компании по реорганизации Института истории производилось составление недостающих документов. Имеются и другие свидетельства в пользу такого предположения. Например, в той же учетной карточке проставлена тема по историческому материализму «Методология М. Вебера и марксизм», которая якобы была выполнена, как здесь помечено, в мае 1928 г.⁴⁰. Однако сам аспирант Б. Ф. Поршневу уже 18 сентября 1928 г. писал о том, что ожидает выполнение этого доклада для семинара А. Д. Удальцова в конце 1928 г.⁴¹. В январе 1929 г. Б. Ф. Поршневу отчитывался перед Коллегией института и говорил, что его доклад «Методология М. Вебера и марксизм» выполнен⁴².

Думается, что к началу 1928 г. в его активе было все-таки всего две работы, об этом свидетельствует докладная записка за 1928 г. в рабоче-крестьянскую инспекцию, которая включала полный список аспирантов. Напротив фамилии «Б. Ф. Поршневу» в графе «Выполненные работы» стоят две: «1. Цены производства. 2. Основные черты славянофильства»⁴³.

В 1926–1927 гг. Б. Ф. Поршневу, кроме доказанного написания двух докладов, приступил к самостоятельному изучению немецкого языка⁴⁴ и участвовал в семинаре В. И. Невского в прениях по докладу «Положение горнозаводской промышленности и рабочих в 70-х гг. XIX в.»⁴⁵ Иногда он находил время посещать заседания в других секциях. 15 апреля 1927 г. Б. Ф. Поршневу присутствовал на докладе директора Инсти-

³⁸ Там же. Л. 215.

³⁹ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 20.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 215.

⁴² Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Протоколы заседаний комиссии по учету академической успеваемости аспирантов Института истории РАНИОН. Л. 12.

⁴³ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 264. Л. 12..

⁴⁴ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 207 об.

⁴⁵ Там же. Л. 207 об.

туда истории академика Д. М. Петрушевского «Городское хозяйство и его идеология», сделанном в возглавляемой им секции средневековой истории⁴⁶.

В 1927–1928 учебном году работа Б. Ф. Поршнева ограничилась только написанием доклада «Методология М. Вебера и марксизм», которая была зачтена руководителем семинария по историческому материализму А. Д. Удальцовым. Последний указал: «Доклад хороший. Подготовка достаточная»⁴⁷. При работе над данным текстом выступления Б. Ф. Поршнева использовал «непереведенные» труды немецкого социолога и историка, чтобы усовершенствовать знание языка⁴⁸. Помимо упомянутого, Б. Ф. Поршнева сообщает, что он много читал Гегеля и посещал по Гегелю специальный семинар, анализировал марксистскую периодику, изучал российскую и западную историческую литературу, приступил к изучению древнерусского языка⁴⁹, а также «участвовал в обсуждении докладов Маркелова, Токарева, Гайсанович и Кошелева»⁵⁰. Помимо немецкого, в 1927–1928 учебном году Б. Ф. Поршнева изучал французский язык. Преподаватель Потоцкая отмечала его «безукоризненную» посещаемость и «вполне удовлетворительные» знания и навыки⁵¹. В 1928 г. Б. Ф. Поршнева являлся редактором институтской стенной газеты⁵². Это была его общественная деятельность.

В июне 1928 г. работа Б. Ф. Поршнева в институте была признана удовлетворительной. При этом ему рекомендовали «обратить внимание на необходимость выработки марксистской методологии (подчеркнуто карандашом. — Т.К.) на конкретном историческом материале»⁵³.

На рубеже 1928–1929 гг. у Б. Ф. Поршнева, как кажется, возникли проблемы с выполнением учебного плана. 12 января 1929 г. (т. е. в последний год его пребывания в аспирантуре) он еще только просил Коллегию института утвердить темы трех его докладов, а именно: «Русская внешняя политика в первой четверти XIX в.», согласованную с С. А. Пионтковским, «Социальные идеи Руссо», согласованную с В. П. Волгиным, «Принципат Августа в историографической традиции», согласованную с П. Ф. Преображенским. Последнюю он здесь же предлагал заменить темой по этнографии «Социальная природа шаманства у якутов»⁵⁴.

Интенсивные занятия сказались на здоровье. В начале 1929 г. Б. Ф. Поршнева тяжело заболел и представил 11 февраля 1929 г. в комиссию по учету академической успеваемости аспирантов заявление с просьбой о предоставлении 3-месячного отпуска, а также справку, выданную ему 9 февраля 1929 г. диспансером Государственного научного института невропсихиатрической профилактики, которая свидетельствовала, что он «страдает резким истощением центр[альной] нервной системы», ему «необходим полный покой и отдых от умственной работы в течение 2–3 месяцев»⁵⁵.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 155. Подлинные протоколы заседаний секции средневековой истории за 1923 — 1928 гг. Л. 40.

⁴⁷ Архив РАН. Л. 206.

⁴⁸ Там же. Л. 215.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Л. 206; Ф. 359. Оп. 1. Д. 1 Институт истории Комкадемии. Заявления, планы индивидуальной подготовки и отчеты аспирантов Института истории РАНИОН. С. 43.

⁵¹ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

⁵² Там же. Л. 43; Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 196.

⁵³ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 196.

⁵⁴ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 12–12об.

⁵⁵ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 163; Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

Следует отметить, что ни в одном документе мне не удалось обнаружить ни темы диссертационного исследования, ни упоминаний о написании диссертации. В карточках аспиранта и ведомостях есть соответствующие графы, но все они остались пусты. Такая практика, как кажется, была достаточно массовой. В протоколе совещания диссертантов от 16 апреля 1929 г. упомянут Б. Ф. Поршнева и еще 10 фамилий аспирантов, оканчивающих к 1 января 1930 г. институт без защиты диссертаций⁵⁶. Здесь же можно встретить написанный от руки рабочий документ без даты, озаглавленный «Предполагаемый срок защиты диссертаций» с длинным перечнем фамилий, в котором напротив фамилии «Поршнева» стоит дата: «1/1 — 30», затем перечеркнутая. Вместо нее вписано: «Находится в отпуске по болезни»⁵⁷.

Видимо, болезнь, но, может быть, и другие факторы привели к тому, что связь Б. Ф. Поршнева и Института истории в 1929 г. ослабла. П. Ф. Преображенский отметил, что Б. Ф. Поршнева посетил только три его семинара, а В. И. Невский — 6 из 20⁵⁸.

Предоставленный отпуск, по-видимому, не приводил автоматически к отсрочке выполнения учебного плана. Вот как Б. Ф. Поршнева в объяснительной записке от 20 мая 1929 г. описывал свою жизнь в первой половине этого года:

«Выполнение в текущем году всего одной работы объясняется следующим:

1) В начале года я работал над темой по ранней истории «Принципата Августа», которую пришлось отложить, т. к. в процессе работы я убедился, что необходимая литература [...] не может быть проработана в средний для аспирантского доклада срок.

2) Более месяца мною было потрачено на исправление и переработку доклада (прошлогодний) о славянофилах, и для написания в «Уч[еных] записках» по предложению ученого секретаря ин-та; доклад [...] не печатается, так как предложение было сделано на условиях, не соответствующих реальным возможностям РАНИОН.

3) В феврале на основании предписания невро-психиатрического диспансера НВЗ Коллегией ин-та мне был предоставлен 3-месячный отпуск. Предполагая, что предоставление отпуска не может означать ничего другого как возможность прекратить работу (категорически воспрещенную врачом) и следовательно отсрочки в выполнении учебного плана, я провел часть времени в санатории и часть просто не работая в Москве, и только в самом конце отпуска, на совещании диссертантов с т. Ванагом, узнал, что предоставление отпуска Коллегией вообще ничего реально не обозначает, и только после этого спешно приступил к окончанию начатого ранее доклада о Руссо.

4) Следующая работа не по специальности, к работе над которой я уже приступил, будет готова к сентябрю–октябрю этого года»⁵⁹.

Этот текст показывает, что изменение темы по античности на тему по этнографии к маю 1929 г. еще не случилось, что после болезни работать нужно было еще более

⁵⁶ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 60–60 об. В целом список отчисляемых в разное время аспирантов насчитывает не менее 20 фамилий. Судя по нему, только у Л. В. Черепнина диссертация была готова. Не исключено, что по мере усиления в РАНИОН последовательных марксистов некоторым диссертантам просто не давали защитить диссертации по причине их недостаточного марксизма. Сохранилась протестующая телеграмма Д.М. Петрушевского от 04.06.1929, адресованная президиуму РАНИОН, в которой он требует дать возможность защитить диссертации Л.В. Черепнину, И.С. Макарову и В.И. Шункову. Полный текст телеграммы воспроизведен мною, см.: *Кондратьева Т. Н.* Кое-что о том, как создавался учебник по истории Средних веков для школ (1934 год) // *Европа: междунар. альманах.* Вып. IX Тюмень, 2010. С. 74.

⁵⁷ Там же. Л. 46–47 об.

⁵⁸ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 200, 201.

⁵⁹ Там же. Л. 203.

интенсивно, а также то, что в первую половину 1929 г. ему зачили всего одну работу — доклад «Социальные идеи Руссо», как сказано в карточке аспиранта, «не по специальности в секции истории Запада», сданный в конце 1928–1929 учебного года. О докладе можно судить только по сохранившимся отзывам С. М. Моносова — заведующего в это время кафедрой истории промышленного капитализма 1-го МГУ и члена секции истории Запада Института истории, и В. П. Волгина — заведующего секцией истории Запада (оба являлись членами Коллегии Института истории)⁶⁰. Доклад не вызвал у рецензентов восторга. Они оба отметили склонность автора к спекулятивным построениям и синтетическому конструированию — грех, за который Б. Ф. Поршневу многократно будут пенять в дальнейшем⁶¹. С. М. Моносов сокрушался, что не может по докладу судить о марксистской подготовке автора, ибо «в своей работе он изучает не социальные корни учения Руссо и не историческую обстановку его времени, а пытается лишь интерпретировать противоречие системы Руссо. При этом автор обнаруживает известные спекулятивные способности, но одновременно и неясность мысли, претенциозность, склонность к некоторым трюизмам и слабую философскую подготовку»⁶².

В. П. Волгин, следуя дожившей до сегодняшнего дня академической традиции не говорить о непонравившейся работе ничего хорошего и все-таки одновременно оценивать ее положительно (чтобы с таковой, очевидно, больше не встречаться), так и поступил. Приведем полностью его любопытный и во многом типичный для таких пограничных (в экзистенциальном смысле) ситуаций отзыв: «Работа тов. Поршнева весьма своеобразна по построению. Это не столько историческое исследование, сколько теоретическое рассуждение. Тов. Поршнева берет по необоснованному выбору известный ряд положений Руссо, устанавливает между ними противоречия и затем производит с этими положениями чисто логические манипуляции, исходя из заранее взятого предположения о том, что «логические предпочтения» Руссо выражают «объективные противоречия» буржуазного общества. Мне этот метод представляется спорным и все построение в целом малоубедительным. Тем не менее, доклад свидетельствует о вдумчивой проработке тов. Поршневым произведений Руссо, об известной силе чисто конструктивного мышления тов. Поршнева и о тенденции к применению марксистского метода, однако несколько своеобразно понимаемого. Поэтому считаю возможным признать доклад удовлетворительным и подлежащим зачету»⁶³.

В 1929 г. Б. Ф. Поршнева, помимо продолжающегося изучения французского языка, начал осваивать английский и латынь. Видимо, нужда заставляла его подрабатывать экскурсоводом в музее Энгельса. Оценивая работу Б. Ф. Поршнева за 1928–1929 учебный год, комиссия по академической успеваемости аспирантов сочла ее удовлетворительной, обратив «внимание тов. Поршнева на теоретическую неустойчивость». Его обязывали закончить учебный план — «2-й доклад по специальности, 2-ю работу не по специальности» — к 1 января 1930 г. Видимо, тем самым его пребывание в аспирантуре

⁶⁰ Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. С. 151–152; Историческая наука в Московском университете, 1755–2004. С. 372. Секция истории Запада появилась в Институте истории РАНИОН в результате объединения секции средневековой истории и секции новой истории в конце 1928 — начале 1929 гг. См.: *Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.* Западноевропейское Средневековье в Институте истории РАНИОН. С. 68.

⁶¹ См. многочисленные примеры: *Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е — начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003.

⁶² Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 199.

⁶³ Там же. Л. 202.

продлевалось. Хотя нельзя исключить и того, что продление было связано с неразберихой, вызванной переводом Института истории РАНИОН в ведение Коммунистической академии. В цитируемой в этом абзаце карточке аспиранта сказано: «По вопросу о переводе в К[оммунистическую] А[кадемию]. Поручить разбор комиссии в составе А. Д. Удальцова, В. И. Невского и С. М. Моносова»⁶⁴. 27–28 мая 1929 г. Коллегия Института истории РАНИОН дословно утвердила решение комиссии⁶⁵.

9 июня 1929 г. комиссия по академической проверке Института истории РАНИОН приняла официальное решение о переводе в Институт истории Комакадемии Б. Ф. Поршнева с обязательством окончить его («без диссертации») к 1 января 1930 г., сделав приписку «обратить внимание тов. Поршнева на теоретическую неустойчивость и на замечания о его работе т.т. Волгина и Моносова»⁶⁶.

После каникул, 15 сентября 1929 г., в Институте истории Комакадемии проходило распределение на работу «беспартийных аспирантов». Поршнева среди них не оказалось. Против его фамилии чья-то рука сделала характерную запись: «В воздухе», как не вошедший в первоначальное распределение»⁶⁷. 31 декабря 1929 г. Коллегия Комакадемии приняла решение отчислить (среди других) аспиранта Б. Ф. Поршнева из Института истории, «предоставив ему право сдать невыполненные работы» до 1 октября 1930 г.⁶⁸

В 1929 г., до формального окончания аспирантуры, Б. Ф. Поршнев написал две пространные работы. Это обширная рецензия на книгу П. П. Парадизова «Очерки по историографии декабристов» и семинарская работа по этнографии «О социальной природе шаманства у якутов».

Книга П. П. Парадизова, снабженная предисловием В. И. Невского, была одной из многих в череде работ, выпущенных к 100-летию юбилею декабристов⁶⁹. В рецензии, т. е. во второй по хронологии печатной работе Б. Ф. Поршнева, отчетливо выступает главная черта его последующего творчества. Он сразу же определяет основную доминанту всех общественных практик и человеческого поведения. В рецензии речь идет о XIX в. и об историческом развитии капитализма в России, начало которому, по Поршневу, положило восстание декабристов. Б. Ф. Поршнев, вслед за М. Н. Покровским⁷⁰, именует это восстание «неудавшейся буржуазной революцией» и «прообразом всего последующего буржуазного развития России». Свою рецензию Б. Ф. Поршнев строит на противопоставлении работы марксиста П. П. Парадизова и вышедшей тремя годами ранее монографии С. Я. Гессена «Декабристы перед судом истории»⁷¹. Оба труда были историографическими. С. Я. Гессен, написавший, по выражению Б. Ф. Поршнева, «немарксистскую книгу», стремился учесть весь исследовательский массив, классифицируя и характеризуя его. Такой подход к теме Б. Ф. Поршнев именует «принципом механического притягивания на страницы исследования всех тех авторов, коим приходило в голову почему-либо и когда-либо писать о декабристах». По Б. Ф. Порш-

⁶⁴ Там же. Л. 197, 198–198 об.

⁶⁵ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 22. Л. 97, 98.

⁶⁶ Там же. Л. 122, 123.

⁶⁷ Там же. Л. 117–117 об.

⁶⁸ Архив РАН. Ф. 359, Оп. 3. Д. 62. Л. 204.

⁶⁹ См. подробнее: *Цепилова В. И.* Российская эмиграция и 100-летие выступления декабристов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 159–166.

⁷⁰ См.: *Покровский М. Н.* Декабристы (Легенда и действительность) // Декабристы. М.; Л., 1927; Он же. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. 2-е изд. М.; Л., 1927.

⁷¹ *Гессен С. Я.* Декабристы перед судом истории (1825–1925). М.; Л., 1926.

неву, историография — часть идеологии и политики, движение которой определяют ключевые фигуры, идеи и книги. Поэтому П. П. Парадизов, остановивший свой выбор на ограниченном круге авторов, более убедителен, чем С. Я. Гессен. Сознательная селекция историографических источников, полагает рецензент, «составляет достоинство построения книги». Ибо избранные П. П. Парадизовым авторы «наиболее отчетливо выразили идеологию общественных сил старой России» и были «наиболее прямыми наследниками различных струй декабризма, т. е. основных струй русской буржуазной революции вообще». Б. Ф. Поршнева не смущает социальное происхождение декабристов, поскольку, по его мнению, в России XIX в. от лица «буржуа [...] в течение целых десятилетий» говорили одни дворяне и разночинцы. Не замечать этого, подчеркивает он, значит впасть в «метафизику», т. е. манипулировать «бесплотными общественными формами»⁷².

Рецензия Б. Ф. Поршнева на книгу П. П. Парадизова заставляет выдвинуть еще одно предположение, не касающееся напрямую содержания анализируемой работы. Обусловлено оно мнением, утвердившимся в последнее время, что Б. Ф. Поршнева был учеником В. П. Волгина⁷³. Мы не располагаем никакими данными о возможном влиянии В. П. Волгина на формирование Б. Ф. Поршнева во время его обучения в 1-м МГУ, где В. П. Волгин преподавал историю социализма и был ректором университета, а с 1925 г. — деканом этнологического факультета⁷⁴. Но работа Б. Ф. Поршнева в ИСС под руководством А. С. Пионтковского и специализация по секции Новой русской истории в Институте истории РАНИОН говорит в пользу того, что в 1920-х гг. он не собирался становиться ни франковедом, ни историком утопического социализма. Его интересовала российская история XIX в. и общественная мысль этого времени, что логично обусловило выбор секции Новой русской истории, во главе которой стоял В. И. Невский. Кроме того, В. И. Невский учил Б. Ф. Поршнева, как, впрочем, вероятно, и В. П. Волгин, в 1-м МГУ. Вышеприведенные данные позволяют называть Б. Ф. Поршнева учеником В. И. Невского с большим основанием, чем В. П. Волгина. П. П. Парадизов также был, как пишет современный исследователь, «любимым учеником» В. И. Невского⁷⁵. Более того, Б. Ф. Поршнева и П. П. Парадизов в одно и то же время были аспирантами секции Новой русской истории. Перед нами достаточно типичная в академической среде ситуация — один ученик общего учителя пишет рецензию на работу другого, которая к тому же ему тематически и хронологически близка. В пользу такого утверждения говорит то, что рецензия не содержит, по существу, никаких замечаний. Еще один аргумент: именно на работу во Всероссийскую библиотеку им. В. И. Ленина, которой руководил В. И. Невский, поступает Б. Ф. Поршнева после возвращения из Ростова в 1932 г.⁷⁶ Теперь о том, почему Б. Ф. Поршнева в дальнейшем позиционировал себя как ученик В. П. Волгина

⁷² Поршнева Б. Ф. Рец. на кн.: Парадизов П. Очерки по истории декабристов. М., 1929 // Каторга и ссылка. 1929. № 10. С. 204–210.

⁷³ Поршнева Е. Цит. соч. С. 548; Вите О. Борис Федорович Поршнева и его критика человеческой истории // Французский ежегодник. М., 2005. С. 5; Гладышев А. В. Три советских историка французского коммунизма XVIII в. Волгин, Поршнева, Кучеренко // Французский ежегодник. М., 2007. С. 204; Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 184.

⁷⁴ Гладышев А. В. Историк руководящий — В. П. Волгин // Историк и власть: советские истории сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 136–142.

⁷⁵ Белоусова Г. А. В. И. Невский: государственный деятель, историк, человек. М., 2008. С. 177.

⁷⁶ Архив РАН. Ф. 1574. Оп. 4. Д. 90. Л. 4 об., 8.

и никогда не вспоминал о В. И. Невском, С. А. Пионтковском и др. Ответ очевиден: в 1936–1937 гг. В. И. Невский, С. А. Пионтковский, П. П. Парадизов были репрессированы и расстреляны, поэтому обозначать с ними свою связь до середины 1950-х гг. было по меньшей мере небезопасно. К этому времени Б. Ф. Поршневу стал уже признанным историком Франции, которому нужно было по каким-то причинам мифологизировать отчасти свою раннюю академическую биографию.

Заполняя в 1937 г. личный листок по учету кадров, Б. Ф. Поршневу указал, что начал работать в вузах Ростова-на-Дону в январе 1930 г. То же самое он писал в своей биографии⁷⁷. Сохранившаяся машинопись его работы «О социальной природе шаманства у якутов» не имеет даты, но рецензия на нее В. К. Никольского (одного из трех рецензентов) датирована 30 марта 1930 г. Заголовок отзыва показывает, что он был написан по поручению социальной секции Института истории Комкадемии, датирован 19 февраля 1930 г.⁷⁸ На титуле машинописи доклада, который, кстати, имеет автограф Б. Ф. Поршнева, не установленной рукой сделана приписка «т. Никольскому, т. Токареву»⁷⁹. Эти две даты дают основание утверждать, что Б. Ф. Поршневу закончил доклад в конце 1929 — начале 1930 г. и перед отъездом в Ростов передал его в секцию.

Доклад Б. Ф. Поршнева занимает 74 машинописных листа. В списке использованной литературы значится 41 наименование, среди которых одна работа на немецком языке. Докладчик, прежде всего, дает характеристику современному состоянию изученности вопроса, подробно останавливаясь на исследованиях Д. Я. Самоквасова, М. Н. Хангалова, В. Ф. Троцанского, В. Н. Иванова, В. Л. Серошевского, С. И. Широкогорова. Сам Б. Ф. Поршневу в своем исследовании опирается на марксистский постулат о первичности материального и производности духовного, согласно которому «два мира не являются самостоятельными по отношению друг к другу [...], мир духовный или религиозный порождается миром социальным, составляет его внутренний элемент или функцию и находится от него в прямой и неразрывной зависимости»⁸⁰. Свою собственную задачу он видит в том, чтобы исследовать «социальную природу шаманства историческим путем в применении к эволюции якутского рода»⁸¹, замечая далее, что «этнологи и социологи в многообразии культур не могут реконструировать звенья (все распадается), найти закономерности»⁸². Самому Б. Ф. Поршневу хотелось бы провести эту реконструкцию от «нулевой точки культуры» («Nullpunkt der Kultur») до отношений в якутских сообществах начала XX в. Доклад Б. Ф. Поршнева представляет из себя попытку построить некую универсальную теорию. При этом используется не столько конкретный фактический материал, сколько теоретические постулаты из марксизма, социологии, психологии, теоретических и исторических работ по ранним формам религии и культуры. Видимо, столь разнородные установки плохо стыковались друг с другом, потому доклад оказался композиционно рыхлым и недостроенным. В частности, в нем отсутствует внятное заключение.

Отметив недостаточное количество данных, что объясняется малым числом исследований и огромной территорией, на которой разбросаны поселения якутов, он считает возможным предложить свою «социологическую» схему эволюции. Изначально

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 181, 184, 189.

⁷⁹ Там же. Л. 218.

⁸⁰ Там же. Л. 225–226.

⁸¹ Там же. Л. 226.

⁸² Там же. Л. 233.

религиозная и властная функции существовали в единстве, затем религиозная функция отделилась от функции главы рода, «князьца». У религиозной функции появился носитель — шаман. Само шаманство также пережило процесс эволюции: сначала выдвинулось «белое шаманство» — религия, затем «черное шаманство» — магия и колдовство. При этом он считает возможным проводить аналогию с европейским средневековым колдовством, которое, по его мнению, стало ответом на католическую религиозность⁸³.

Б. Ф. Поршнев подчеркивает, что такая опирающаяся на исторические и этнографические данные социологическая реконструкция шаманства и религиозности имеет свой предел. Исследователь соприкасается с иррациональной сферой, «с остатками прежних форм». Эти «остатки», или «исходный пункт», от которого стартовал процесс эволюции, «требуют объяснения», но пока остаются необъясненными ни с позиции «закона психологического консерватизма», ни с позиции «генетической социологии»⁸⁴. Они не могут быть прямо выведены и из биологии человека⁸⁵.

«Остатки» автор доклада подразделяет на две группы: «1) прямое наследование, слепое и некритическое по своей природе, культурных элементов вчерашнего дня, ставших прочными бытовыми формами [...]; 2) имеющую совсем иную, относительно революционную природу — подражание внешним социальным группам — соседним племенам, народам и т. д.». По его мнению, конкретное якутское шаманство представляет из себя в «огромном проценте» заимствование в конкретных формах «из шаманства окружающих шаманских народов»⁸⁶.

Значительное место в работе Б. Ф. Поршнева отведено описанию частных шаманских практик — камлание, транс, гипноз, экстаз и прочее, а также воздействию шаманов на большие группы населения. Эти примеры постоянно вызывают у него аналогии с психоневрологическими расстройствами⁸⁷. Он замечает, что шаман не является носителем власти. Его связь с общностью не властная, а психологическая. Шаман воздействует на психику людей, корректируя тем самым их социальное поведение. Реальный этнографический и психиатрический материал, который необходимо было учитывать и описывать, по-видимому, противоречил марксистским установкам, заставляющим писать, что «шаманство в значительной мере призвано обслуживать, правда, более или менее удачно, хозяйственные нужды и преодолевать затруднения в процессе материального производства»⁸⁸. И Б. Ф. Поршнев пытался (довольно путано) найти между ними компромисс. Для этого он вводит в оборот ряд новых инструментальных понятий: «иррациональность биологическая», «иррациональность социальная», «горизонтальная история», «вертикальная история», использует известные ему психологические концепции. В частности, в трансовом единстве, которое возникает между шаманом и аудиторией во время камланий, он видит «первоначальную форму всех человеческих отношений, эту первобытную социальную зависимость как историческое основание всех последующих сложных социальных форм [...] Из возможности для одного человека определить поведение другого, не вступая с ним в прямое материальное соприкосновение (что мы называем внушением), вырастают впоследствии две такие проти-

⁸³ Там же. Л. 227–228.

⁸⁴ Там же. Л. 231–234.

⁸⁵ Там же. Л. 335.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. Л. 236–243, 245–254, 259.

⁸⁸ Там же. Л. 272, на последующих листах примеры и рассуждения по поводу «шаманства», «хозяйствования» и «материального производства».

воположные в нашем представлении формы взаимодействия людей, как приказание и убеждение, или шире — две главные и основные надстройки: политика и идеология. Пусть отношения классовой борьбы дают исчерпывающее содержание и того, и другого, мы хотим только сказать, что даже их форма не принадлежит миру социальному и биологическому, но что самая возможность власти покоится на том же, так сказать, общественно-физиологическом механизме, на котором воздвигнуто и здание всей человеческой мысли и ее главного материала — речи; наука о происхождении языка обречена до тех пор блуждать в лабиринте гипотез и произвольных конструкций, пока она не станет рассматривать первобытную речь не в качестве односторонней реакции человека (или группы людей) на события внешнего мира и развивающихся из нее «сообщений» и «описаний», но прежде всего в качестве общественного человеческого отношения, в котором элементы внешней природы включаются лишь постепенно и довольно случайно и основное содержание которого заключается в установлении определенной непосредственной зависимости между людьми, следовательно, в их общественном противопоставлении друг к другу. Таким образом, шаман своим гипнотическим воздействием на зрителей воспроизводит как бы первобытную, доклассовую форму власти (хотя этот термин применим здесь очень условно) и, может быть, смутившее нас в начале полное отсутствие у него собственной власти, т. е. власти политической и юридической, также и отсутствие такой власти вообще в якутском обществе [...] Шаманство, таким образом, в этом смысле является продуктом бесклассовости и бесгосударственности вторичного или производного порядка, последующим восполнением специфическими и отражающими в себе свое сложное происхождение видами примитивных форм тех пробелов, которые возникают в силу конкретных исторических причин в социальной структуре общества или, наоборот, вследствие конкретной невозможности осуществить назревшую в его недрах потребность перейти на новую ступень классового развития. Корни якутского шаманства, следовательно, можно искать в условиях распада господствующего некогда в якутском обществе феодально-родового строя или в условиях новейшего существования якутов в качестве составной части Российской империи»⁸⁹.

Рецензентами по докладу Б. Ф. Поршнева были этнографы П. Ф. Преображенский, С. А. Токарев и уже упоминаемый В. К. Никольский. Отзыв П. Ф. Преображенского — краток и формален. Он предложил зачитать доклад, отметив «тщательное штудирование источников», «сравнительно небольшую этнологическую подготовку автора» и его «остроумную критику существующих гипотез о происхождении шаманства»⁹⁰.

С. А. Токарев оценил работу Б. Ф. Поршнева положительно и отметил, что она «социологическая» и только «формально посвящена якутскому шаманству». Автор, по его мнению, в большей степени стремился создать «теорию» и «диалектическое построение», подражая «построению некоторых глав «Капитала» Маркса. В отзыве подчеркивается, что Б. Ф. Поршнева «полностью владеет своим методом» и «искушен в философии, в частности марксистской». Его доклад отличает «глубина анализа» и «методологическая четкость подхода». В работе правильно поставлен вопрос о материальной, социологической основе шаманизма, правильно подчеркнуто, что «социальную основу якутского шаманства нельзя искать в реальной (политической) власти шаманов», сделаны верные наблюдения о «тех социально-психологических отношениях, какие устанавливаются между шаманом (вообще — служителем религии) и его окружающими», высказана «довольно правильная мысль о роли языка в оформлении образов

⁸⁹ Там же. Л. 244–245.

⁹⁰ Там же. Л. 164.

шаманской демонологии». Однако автор «не этнограф и в этнографии эрудирован довольно слабо», поэтому «допускает здесь немало рискованных, произвольных и просто неверных утверждений», «сама проблема поставлена чересчур отвлеченно», и «конце концов, якутское шаманство осталось за пределами работы т. Поршнева».

С. А. Токарев, столь же искушенный в марксизме, как сам автор доклада, одновременно с ним обучающийся в 1-м МГУ и Институте истории РАНИОН, упрекает Б. Ф. Поршнева в том, что в своем докладе тот «объявляет» поиск социальных корней шаманства «безнадежным» и «отказывается искать корни религиозной идеологии в социальных отношениях внутри данной общественной группы и видит их только в межгрупповых, межлокальных отношениях», сводя появление форм религии к ее заимствованиям у других народов. «Тем более неверно утверждение об «иррациональном» якобы характере культовых заимствований», поскольку каждое заимствование, подчеркивает С. А. Токарев, каждый раз отвечает той или иной общественной потребности⁹¹.

Отзыв В. К. Никольского полностью отрицателен. Он также отметил отсутствие в докладе реального этнографического материала и его излишнюю абстрактность. Отдельные «удачные частности не спасают целого». «Автору для выяснения корней его (шаманства. — *Т.Н.*) вовсе не следует блуждать в «вертикальных историях», в сферах, наполняемых им вместо фактов абстракциями, а ЛУЧШЕ ТЩАТЕЛЬНЕЕ (так в тексте рецензии. — *Т.Н.*), привлекая больше якутского и внеякутского этнографического материала, исследовать его в распадающихся родовых обществах». В. К. Никольский не признает используемый Б. Ф. Поршневым категориальный аппарат, подчеркивая, что «мечтами» он «прямо не соответствует марксистской методологии». «Беда автора в том, что он, хотя и пытаюсь нередко рассуждать диалектически, не видит конкретного общества и отмечает лишь непрерывность, а не узлы в процессе развития»⁹².

Одним из самых непростых вопросов в ходе пребывания в аспирантуре был вопрос о практиках аспирантов. Со второго курса аспиранты должны были, говорится в решении методической комиссии от 12 апреля 1928 г., «вести практику в вузах, комвузах, спецкурсах, техникумах, рабфаках, совпартшколах». Причем первоначально аспиранту надлежало практиковаться «в неспециальных вузах, в рабфаках, техникумах» или же поработать «ассистентом профессора». В функции практиканта входило консультирование студентов, подбор материала к заданиям, участие в разборе студенческих работ, в прениях и т. д. Однако 7 мая 1928 г. заседание бюро по аспирантской практике констатировало, что «руководство аспирантской практикой до сих пор не осуществлялось, нет также договоренности с научно-исследовательскими учреждениями о практике аспирантов. Насколько увязывается практика аспирантов с планами подготовки, не проверялось. Все это предполагается провести с будущего года»⁹³. Данные документы показывают, что организация практики в Институте истории была поставлена плохо. Неудивительно, что Б. Ф. Поршневу (и, видимо, не он один) эту практику так и не прошел. В учетной карточке аспиранта Б. Ф. Поршнева за 1928–1929 учебный год в графы о практике 1, 2 и 3 года обучения остались пустыми⁹⁴.

⁹¹ Там же. Л. 166–171, 172–176. Отзыв сохранился в двух экземплярах. На втором экземпляре имеется автограф рецензента.

⁹² Там же. Л. 181–184, 185–189. Этот отзыв также сохранился в 2-х экземплярах. Второй экземпляр содержит автограф рецензента.

⁹³ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 168. Л. 4об.–5, 9.

⁹⁴ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 1. Л. 20.

Видимо, еще в 1929 г. Б. Ф. Поршневым была написана статья «Министерства в России» для Малой советской энциклопедии, но издана она была уже в 1930 г.⁹⁵ Вероятно, Б. Ф. Поршневу к осени 1930 г. ликвидировал все свои задолженности, а 11 октября 1930 г. дирекция Института истории Комкадемии во главе с Н. М. Лукиным вынесла решение считать Б. Ф. Поршнева «окончившим Ин-т истории» 1 октября 1930 г.⁹⁶ 2 октября 1932 г., уже вновь обосновавшись в Москве и после более чем 2-летнего пребывания в Ростове, г. Б. Ф. Поршневу получил в Коммунистической академии об этом официальную выписку из протокола дирекции о своем окончании аспирантуры⁹⁷.

Итак, собранный материал показывает, что в середине — конце 1920-х гг. исследовательский интерес Б. Ф. Поршнева лежал в области изучения России XIX в., революционных и общественных движений, которые предшествовали большевизму. Обучаясь в Институте истории РАНИОН и затем в Институте истории Комкадемии, он, по-видимому, выполнил все формальные требования, что позволило ему окончить аспирантуру без представления диссертации, работать над которой он, видимо, не начинал. Ко второй половине 1920-х гг. относятся его первые печатные работы. Обучение Б. Ф. Поршнева в аспирантуре позволяет сделать вывод о том, что он не собирался становиться исследователем Франции и что он был, скорее, учеником В. И. Невского, чем В. П. Волгина. Уже в начале научной деятельности Б. Ф. Поршнева современники замечали у него склонность к теоретическому конструированию и слишком свободное манипулирование материалом.

SUMMARY

This article tells about the post-graduate years of the famous Soviet historian Boris Porshnev. The author analyzes educational achievements and research endeavors of Boris Porshnev. In the early period of his academic career he didn't have an intention to specialize on the French History. He focused on the Russian history of the nineteenth century. The author suggests that his academic supervisor was an old bolshevik Vladimir Nevsky, not Vyacheslav Volgin, how it is written at times.

⁹⁵ Поршневу Б. Ф. Министерства в России // МСЭ. М., 1930. Т. 5.

⁹⁶ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 190.

⁹⁷ Архив РАН. Ф. 1574. Оп. 4. Д. 90. Л. 3.